

ОЛИВЕР
ГОЛДСМИТ

ВЭКФИЛЬДСКИЙ
СВЯЩЕННИК

«Вэксфильдский священник» — самый известный роман английского прозаика, поэта и драматурга Оливера Голдсмита (англ. Oliver Goldsmith, 1730–1774).

Пастор Чарльз Примроз ведет безмятежное существование на лоне природы. Идиллии четы Примроз, однако, приходит конец, когда пастор узнает о банкротстве купца, заведовавшего их состоянием...

Другими знаменитыми произведениями писателя являются «Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке», «Путешественник», «Покинутая деревня» и «Ночь ошибок, или Унижение паче гордости».

Ирландец по национальности, Оливер Голдсмит занимает почетное место в литературе английского сентиментализма.

Оливер Голдсмит ВЭКФИЛЬДСКИЙ СВЯЩЕННИК

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге сотня недостатков и можно привести сотню доказательств того, что в них-то и вся прелесть. Книга может быть очень занимательной при множестве ошибок, и может быть очень скучна, хотя бы в ней не встречалось нелепостей. Герой предлагаемого рассказа соединяет в своей особе три важнейших роли на земле: он служитель алтаря, земледелец и отец семейства. Он призван одинаково учить других, и подчиняться поучениям; живя в довольстве, он прост, в несчастьи — величествен. В наше время усиленной роскоши и утонченности нравов может ли такой тип понравиться публике? Охотники до великосветской жизни с пренебрежением отвернутся от его скромного домашнего очага на лоне сельской простоты, любители сальных шуток не найдут никакого остроумия в его безобидной болтовне, а люди, привыкшие насмешливо относиться к религии, посмеются над человеком, который главную опору своего счастья видит в будущей жизни.

Оливер Гольдсмит.

Описание Вэксфильдского семейства, в котором преобладает фамильное сходство, как в нравственном, так и в физическом отношении.

Я всегда был того мнения, что честный человек, который женится и воспитывает многочисленное семейство, приносит гораздо больше пользы, чем тот, кто остается холостым и только говорит о народонаселении. По этой причине не прошло и года с тех пор, как меня рукоположили в священники, как я уже начал серьезно подумывать о женитьбе и выбрал себе жену по тому же рецепту, как она выбрала материю на свое венчальное платье, то есть, не за красивую блестящую внешность, а за более прочные качества. Надо отдать ей справедливость, она была женщина замечательная, с отличным характером; что же касается до ее талантов, то лишь немногие деревенские леди могли ее превзойти их числом. Она могла читать довольно бегло любую английскую книгу, а что касается до приготовления пикулей, консервов и до стряпни, в этом никто не мог с нею сравниться. Она очень гордилась также и тем, что была удивительно расчетливой хозяйкой; впрочем, я что-то не замечал, чтобы мы богатели от ее расчетливости.

Как бы то ни было, мы нежно любили друг

друга, и наша привязанность все возрастала с годами. Да нам и не за что было сердиться ни друг на друга, ни на других. У нас был изящный дом в очень красивой местности и хорошее соседство. Целый год проходил у нас-то в нравственных, то в идиллических увеселениях; мы ездили в гости к богатым соседям и помогали бедным. Никаких революций мы не боялись, томить себя работой не приходилось, и все наши приключения происходили у домашнего очага, а странствовать случалось нам только с голубой кровати на коричневую.

Так как мы жили близко от большой дороги, к нам часто заходили путешественники и чужие люди, чтобы отведать смородиновой наливки, которая у нас очень славилась, и, в качестве достоверного историка, я должен сказать, что она всем приходилась по вкусу. Наши родственники, даже и самые отдаленные, помнили свое родство без всякой помощи департамента герольдии и также часто нас навещали. Некоторые из них приносили нам не особенно много чести своими родственными притязаниями, так как в числе их были у нас и слепые, и увечные, и хромые. Несмотря на это, моя жена всегда настаивала на том, чтобы они сидели с нами за одним столом, так как были одной с ними плоти и крови. Поэтому нас постоянно окружали хоть и не очень богатые, но

зато очень довольные люди; вообще следует заметить по этому поводу, что чем беднее гость, тем он довольнее угощением, а я уж так уродился, что люблюсь довольными, счастливыми лицами, как иные любят красками тюльпана или крыльями мотылька. Впрочем, если кто-нибудь из наших родных оказывался дурным человеком, беспокойным гостем или вообще таким, что мы хотели от него избавиться, то, когда он уезжал из нашего дома, я спешил ссудить ему теплое пальто или пару сапог, а не то дешевую лошадь, и всегда с удовольствием убеждался, что после того он уже никогда не возвращался, чтобы отдать то, что взял взаймы. Таким образом, мы избавлялись от тех, кто нам не нравился, но зато никто никогда не слыхивал, чтобы Вэкфильдское семейство выгнало из своего дома странника или неимущего бедняка.

Так жили мы много лет в совершенном счастье, хотя, конечно, иной раз и нам доставались кое-какие щелчки, которые посылает Провидение, чтобы еще увеличить цену своих благодеяний. Ученики сельской школы часто воровали фрукты у меня в саду, а кошки и ребятишки поедали простоквашу у жены на погребе. Иногда сквайр засыпал в самых красноречивых местах моей проповеди, а его супруга очень кисло отвечала на любезности моей жены в церкви. Но мы скоро забывали неприятное впечатление, произведенное

на нас подобными мелочами, а дня через три или четыре начинали даже удивляться тому, как они могли нас огорчать.

Дети мои, рожденные в течение воздержной, умеренной жизни, росли в ласке и холе, а потому были здоровы и хорошо сложены; сыновья крепкие и деятельные, дочери красивые и цветущие. Когда вокруг меня собирались мои дети, обещавшие быть опорой моей старости, я не мог удержаться, чтобы не вспомнить знаменитого анекдота про графа Абенсбурга: «Когда Генрих II проезжал через Германию и придворные явились к нему со своими сокровищами, он привел своих тридцать двух детей, и представил своему повелителю, как самое ценное приношение, которое он только мог сделать». Точно также и я, хотя у меня было всего шестеро детей, находил, что в лице их я сделал очень ценный подарок моей родине и считал, что она у меня в долгу. Нашего старшего сына назвали Джорджем в честь его дяди, который оставил нам десять тысяч фунтов. Второго ребенка, девочку, я хотел назвать, в честь тетки, Гриссель; но моя жена, которая все время, пока была беременна, читала романы, настояла на том, чтобы назвать ее Оливией. Меньше чем через год у нас родилась вторая девочка, и на этот раз я совсем уже решил, что ее назовут Гриссель; но тут одной богатой родственнице пришла фантазия ее крестить, и по ее

распоряжению ее называли Софией, так что у нас в семье оказалось два романтических имени; но я торжественно заверяю, что я тут ни при чем. Затем родился у нас Моисей, а через двенадцать лет после того еще двое сыновей.

Я не стану отрицать, что всегда радовался при виде своих малюток; но радость и тщеславие моей жены были еще сильнее моих. Бывало, когда кто-нибудь из гостей скажет:

— Честное слово, миссис Примроз, у вас самые красивые дети во всем краю.

То она сейчас же ответит:

— Точно, сосед, уж так их создал Господь: и хороши, и пригожи.

И потом велит девочкам поднять головы; а, к слову сказать, они и точно были очень красивы. Для меня внешность так мало значит, что я бы, пожалуй, даже и забыл упомянуть об этом обстоятельстве, если бы о нем не говорили во всем краю. Оливия, которой было теперь около восемнадцати лет, отличалась той пышной красотой, которою живописцы всегда наделяют Гебу: откровенная, живая, повелительная. Красота Софии не так бросалась в глаза, но часто производила более прочное впечатление, потому что она была кротка, скромна и привлекательна. Первая побеждала сразу, одним ударом, вторая посредством успешных, постоянно возобновляемых

усилий.

Характер женщины обыкновенно вырабатывается соответственно ее наружности, по крайней мере, так оно было у моих дочерей. Оливия хотела иметь множество поклонников, а София желала прочно привязать к себе одного. Оливия до такой степени старалась нравиться, что часто была неестественна; София так боялась кого-нибудь обидеть, что скрывала свое превосходство. Одна радовала меня своей живостью, когда я был весел, другая своей разумностью, когда я был в серьезном настроении. Но ни та, ни другая не доводили этих качеств до крайности, и часто случалось, что они менялись характерами на целый день. Траурное платье превращало мою кокетку в скромницу, а новые ленты сообщали ее сестре более естественную живость. Мой старший сын, Джордж, воспитывался в Оксфорде, так как я предназначал его к ученой профессии. Второй сын, Моисей, которого я собирался определить по торговой части, получил весьма смешанное образование дома. Впрочем, нечего и пытаться описывать особенности характера молодых людей, которые почти не видали света. Короче сказать, во всех преобладало фамильное сходство; в сущности говоря, у них у всех был один и тот же характер: все были одинаково великодушны, доверчивы, просты и незлобивы.

II

Семейные бедствия. — От потери состояния гордость достойного человека только увеличивается.

Мирские заботы о семье предоставлены были главным образом моей жене; что же касается духовных, то я всецело взял их на себя. Мое место приносило всего тридцать-пять фунтов в год, и я предоставлял его в пользу вдов и сирот духовного звания нашей епархии, так как у меня было свое собственное, вполне достаточное состояние, о мирской суете я не заботился и чувствовал тайное удовольствие при мысли, что исполняю свои обязанности безвозмездно. Сверх того, я твердо решился не держать кюрата, знакомиться со всеми своими прихожанами и убеждать всех женатых людей быть воздержными, а всех холостых жениться; так что через несколько лет в наших местах вошло в поговорку, что в Вэкфильдском приходе воочию совершаются три неслыханных чуда: священник — не гордец, молодые люди спешат под венец, а пивным приходит конец.

Брак всегда был одною из любопытнейших моих тем и я сочинил несколько проповедей, чтобы доказать, какое это счастливое состояние; но тут было еще одно особенное положение, которое я

всегда настойчиво поддерживал: я разделял мнение Уистона, что священнослужитель английской церкви не должен жениться во второй раз после смерти первой жены; короче говоря, гордился тем, что придерживаюсь строгой моногамии.

Я очень рано принялся за разрешение этого важного спорного вопроса, по поводу которого уже написано так много обширных сочинений. Я сам напечатал несколько трактатов по тому же предмету, но их никто не покупал, и я утешался тем, что, стало быть, их читают только немногие счастливицы. Некоторые из моих друзей уверяли, что это моя слабость; но, увы! они никогда дома не раздумывали об этом предмете, как я. И чем больше я о нем думал, тем важнее он мне представлялся; я даже превзошел самого Уистона, исповедуя свои принципы: он надписал на могиле своей жены, что она была единственною женою Уилльяма Уистона, а я сочинил подобную эпитафию для своей жены при ее жизни, восхваляя ее за то, что она до самой смерти всегда была осмотрительна, экономна и покорна; велел хорошенько выгравировать эту надпись, вставить ее в изящную рамку и повесить над камином, чем достигал зараз нескольких полезных целей. Надпись напоминала жене об ее обязанностях по отношению ко мне и о моей верности, возбуждала в ней стремление к известности и постоянно наводила ее на мысль о

грядущей кончине.

Очень может быть, что мой старший сын, наслушавшись от меня о том, что следует поскорее жениться, оттого и поторопился, и тотчас по выходе из университета остановил свой выбор на дочери соседнего священника, который был важным лицом среди духовенства и мог наградить свою дочь большим состоянием; но состояние было малейшим из ее прекрасных качеств. Все решительно (кроме моих дочерей) находили, что мисс Арабелла Уильмот очень хорошенькая девушка. Ее молодости, здоровью и невинности придавали еще большую прелесть такой удивительно-нежный цвет лица и такой сияющий задушевный взгляд, что даже старики не могли равнодушно на нее смотреть. Мистер Уильмот знал, что я могу очень хорошо обеспечить моего сына, и потому не противился этому браку, так что оба наши семейства жили во взаимном согласии, которое обыкновенно предшествует ожидаемому союзу. Зная по опыту, что время ухаживаний перед свадьбой самое счастливое время нашей жизни, я был не прочь продлить его подольше, а разнообразные увеселения, которыми ежедневно пользовались молодые люди в обществе друг друга, казалось, только увеличивали их взаимную страсть. По утрам нас обыкновенно будила музыка, а в хорошую погоду мы ездили на охоту. Часы между

завтраком и обедом дамы посвящали чтению и нарядам: прочтут страничку-другую, а потом начнут вертеться перед зеркалом, а зеркало часто представляет прекраснейшую из страниц, с чем могут соглашаться даже и философы. За столом председательствовала моя жена, так как она непременно хотела разрезывать все сама, как делала ее мать, и по этому поводу рассказывала нам историю каждого блюда. После обеда я всегда приказывал уносить стол, чтобы дамы от нас не уходили, и иногда мои дочери давали нам очень приятные концерты при содействии своего учителя музыки. Прогулка, чаепитие, деревенские танцы и игра в фанты помогали коротать день без помощи карт, так как я терпеть не мог карточных игр, кроме триктрака, в который мы иной раз играли с моим старым другом по два пенни за партию. Тут кстати необходимо упомянуть об одном знаменательном обстоятельстве, которое случилось со мною в последний раз, как мы с ним играли: мне оставалось только покрыть четверку, а я пошел с туза и двойки пять раз подряд.

Таким образом, прошло несколько месяцев, пока, наконец, не нашли нужным назначить день для свадьбы молодой четы, которая, по-видимому, очень этого желала. Я не стану описывать, с каким важным видом хлопотала моя жена и как лукаво поглядывали мои дочки во время приготовлений к

свадьбе; все мое внимание было сосредоточено на другом предмете, а именно, на окончании нового трактата, который я вскоре намеревался выпустить в защиту моего любимого принципа. Так как я считал его лучшим своим произведением и по стилю, и по доказательности, то не мог удержаться, чтобы не показать его с гордостью своему старому другу Уильмоту, так как не сомневался в его одобрении; но вскоре убедился, хотя уже слишком поздно, что он был страстно привержен к противоположному мнению, и притом по весьма уважительной причине, так как именно в это самое время собирался жениться в четвертый раз. Как и следовало ожидать, у нас произошло по этому поводу довольно неприятное столкновение, которое грозило нарушить предполагавшийся между нами союз, но накануне дня, назначенного для брачной церемонии, мы решились обсуждать этот вопрос только в широком смысле.

Спор велся очень умно с обеих сторон; он утверждал, что я еретик, я отвергал это обвинение; он возражал, я отвечал. Тем временем, когда наш спор был в самом разгаре, меня вызвал один из моих родственников и с озабоченным видом попросил меня отложить спор, по крайней мере, хоть до тех пор, пока не кончится свадьба.

— Как! — воскликнул я: — чтобы я отступился от правого дела и допустил его еще раз

жениться, когда он уже и без того дошел до крайних пределов нелепости? Так уж вы заодно посоветуйте мне отдать все свое состояние для большей убедительности.

— К сожалению, я должен вам сообщить, — возразил мой друг, — что ваше состояние равняется теперь почти что нулю. Банкир, у которого были ваши деньги, скрылся, чтобы избежать банкротства, и все думают, что в кассе у него не осталось ни одного шиллинга. Я не хотел тревожить этим известием ни вас, ни вашего семейства, пока свадьба не состоится; но теперь вижу, что оно может несколько умерить ваш пыл в затеянном вами споре, и что собственная ваша осторожность поневоле заставит вас его прекратить, по крайней мере, хоть до тех пор, пока состояние молодой леди не будет обеспечено за вашим сыном.

— Ну, — возразил я, — если то, что вы мне сказали, действительно правда, и мне придется быть нищим, я никогда не сделаюсь из-за этого негодяем и не отступлюсь от своих принципов. Я сию же минуту пойду и всем расскажу о своем положении; а что касается до нашего спора, я возьму назад даже и прежние уступки, какие я сделал в пользу старого джентльмена, и теперь ни за что не допущу его вступить в брак ни в каком смысле.

Нечего и описывать разнообразных чувств, овладевших обоими семействами, когда я сообщил о постигшем нас несчастье; но что бы ни чувствовали другие, это было ничто в сравнении с тем, что испытывали влюбленные. Мистер Уильмот, который и без того сильно склонялся в пользу разрыва, совершенно решился вследствие этого удара; из всех добродетелей он бесспорно обладал в совершенстве осторожностью; и часто бывает, что это единственная добродетель, которая остается у человека в семьдесят два года.

III

Переселение. — Оказывается, что счастливые обстоятельства нашей жизни зависят от нас самих.

Единственная наша надежда была на то, что сведения о нашем несчастье были злоумышленно преувеличены или преждевременны, но письмо моего городского поверенного скоро подтвердило его на всех подробностях. Для меня лично потеря состояния ничего не значила; я тревожился только за семью, которой предстояло испытать унижение, тогда как воспитание не приготовило ее к тому, чтобы равнодушно переносить презрение.

Прошло около двух недель, прежде чем я попробовал умерить их печаль, так как я нахожу, что преждевременное утешение только напоминает

горе. В течение этого времени я придумывал, какими средствами буду я содержать семью; наконец, мне предложили небольшой приход, приносящий пятнадцать фунтов в год, в глухом местечке, где я мог спокойно жить согласно моим принципам. Я с радостью согласился на это предложение, решившись увеличивать свой заработок, занимаясь хозяйством и заведя маленькую ферму. Принявши это решение, я занялся приведением в порядок своих денежных дел: сосчитал все свои долги и уплатил их, после чего из четырнадцати тысяч фунтов у нас осталось всего четыреста. Затем главной моей заботой было то, чтобы убедить семью умерить свои требования сообразно с обстоятельствами, так как я очень хорошо знал, что положение бедных людей, стремящихся жить не по средствам, сущее бедствие.

— Вы, конечно, знаете, дети, — сказал я, — что мы с вами не могли предотвратить свое несчастье, и что оно не зависело от нашей осторожности, но теперь, при помощи осторожности, мы можем сделать многое, чтобы оградить себя от его последствий. Теперь мы бедны, мои дорогие, и здравый смысл заставляет нас приноровиться к своему скромному положению. Так откажемся без ропота от всех этих великолепий, с которыми многие люди все-таки

бывают несчастны, и постараемся в бедной доле обрести тот мир, при котором все могут быть счастливы. Ведь живут же без нашей помощи бедные люди, и бывают довольны, так отчего же и нам не попробовать обойтись без их помощи! Нет, дети, оставим мы с этой минуты всякие претензии на барство, у нас еще довольно осталось для того, чтобы быть счастливыми, если мы умно распорядимся и постараемся вознаградить себя за недостаток состояния, поддерживая в себе довольное чувство.

Так как мой старший сын получил высшее образование, я решился отправить его в город, где бы он мог содержать себя и помогать нам при помощи своих способностей. Разлука между друзьями и близкими едва ли не самое тяжелое обстоятельство, сопряженное с бедностью. Скоро настал тот день, в который нам предстояло впервые разъехаться в разные стороны. Простившись с матерью и с остальными членами семьи, мешавшими слезы с поцелуями, сын мой пришел попросить у меня благословения. Я дал ему это благословение от всего сердца и прибавил к нему еще пять гиней: и это все, что я мог ему дать тогда.

— Ты отправляешься в Лондон пешком, дитя мое, — сказал я ему: — совершенно так же, как отправлялся туда в старые годы Гукер, один из твоих предков. Вот тот самый конь, которого

подарил ему на дорогу добрый епископ Джуэль. Это палка, возьми ее, да захвати с собою еще вот эту книгу и пусть она служит тебе поддержкою в пути. Эти две строчки в ней стоят миллионы: «Я был молод и состарился; но никогда не видал праведного человека покинутым, или детей его лишенными насущного хлеба». Утешайся этими мыслями, сын мой. Теперь ступай. Что бы ни было с тобою, доставляй мне случай повидать тебя хоть раз в год. Не падай духом и будь здоров!

Зная, что он честен и прямодушен, я не побоялся пустить его на арену жизни без всяких средств, ибо был уверен, что, так или иначе, выйдет ли он победителем или будет побежден, но роль свою сыграет хорошо.

Вслед за ним и мы стали собираться в путь и через несколько дней покинули места, где пережили так много часов тихого счастья; подобные расставания всегда тяжелы и вряд ли могут обходиться без слез. Нам предстояло переселяться за семьдесят миль, тогда как моя семья от роду не бывала дальше десяти от дому, и такое путешествие наполняло сердца наши тоской и тревогою, которая еще усиливалась при виде плачущих бедняков моего прихода, провожавших нас на протяжении нескольких миль. К вечеру первого дня пути мы благополучно проехали сорок миль и остановились переночевать в скромном

деревенском трактире за тридцать миль от места нашего будущего жительства. Заняв отведенную нам комнату, я, по своему обыкновению, пригласил хозяина присоединиться к нашей трапезе, на что он охотно согласился, зная, что на завтра поставит мне на счет то, что сегодня вместе со мною выпьет. Впрочем, он отлично знал всех наших будущих соседей и в особенности сквайра Торнчиля, нашего помещика, жившего тут же, поблизости. Судя по отзывам трактирщика, этот джентльмен признавал в жизни одни только удовольствия и отличался своим пристрастием к прекрасному полу. Он утверждал, что никакая добродетель не в силах была устоять против его искусства и настойчивости, и что на десять миль в окружности едва ли оставалась хоть одна фермерская дочка, которую он не успел бы прельстить и затем бросить. Такой отзыв несколько огорчил меня, но на дочерей моих он произвел совсем другое впечатление: они просияли, как бы с торжеством ожидая победы, да и жена моя не менее была уверена в могуществе их прелестей и добродетели. Пока мы, каждый на свой лад, обдумывали эти обстоятельства, пришла жена трактирщика и сообщила своему мужу, что неизвестный джентльмен, уже два дня проживавший в их доме, сидит без денег и отказался платить по предъявленному ему счету.

— Как без денег! — возразил хозяин, — этого быть не может; не дальше как вчера он дал три гинеи сторожу, чтобы отпустили старого инвалида, приговоренного к сечению розгами за кражу собаки.

Но так как хозяйка продолжала настаивать на первоначальном показании, трактирщик встал и, громко поклявшись, что, так или иначе, добьется уплаты, собрался уже уходить из комнаты, когда я остановил его, прося познакомить меня с человеком, способным на столь великое милосердие. На это хозяин согласился и тотчас привел джентльмена лет тридцати, одетого в поношенное платье, еще носившее следы прежних украшений. Он был хорошо сложен, а лицо его изобличало человека мыслящего. Судя по манере, несколько сухой и отрывистой, он был не светский человек, или же презирал всякие церемонии. Когда трактирщик ушел, я обратился к незнакомцу с уверением, что весьма сожалею, видя джентльмена в подобных обстоятельствах, и предложил ему свой кошелек, чтобы выручить его из затруднения.

— От всего сердца принимаю ваше предложение, сэр, — ответил он, — и даже радуюсь, что, истратив по рассеянности все, что имел с собою, я тем самым приобрел случай убедиться, что на свете еще водятся и такие люди, как вы. Но предварительно позвольте узнать имя и

адрес моего благодетеля, дабы я мог расплатиться как можно скорее.

Я поспешил удовлетворить его желанию, сообщил не только свое имя и историю своих злоключений, но также и название того места, куда мы отправлялись.

— Вот счастливый случай! — воскликнул он: — я и сам направляюсь в ту же сторону и задержался эти два дня из-за разлива рек, но надеюсь, что завтра уже можно будет переправляться вброд.

Я сказал, что его общество доставит нам величайшее удовольствие, жена моя и дочери присоединили свои уверения, и мы упросили его поужинать с нами. Гость оказался очень приятным собеседником и разговор его даже настолько поучительным, что я искренно желал продолжения нашего знакомства. Но пора было подумать об отдыхе и о подкреплении сил перед утомительным путем, предстоявшим нам на завтра.

На другой день мы пустились в дорогу все вместе, моя семья верхом на лошадях, а мистер Борчель — новый наш знакомый — пешком. Он шел по тропинке вдоль большой дороги и, с улыбкою глядя на наших плохих коней, уверял, что только из великодушия не хочет обогнать нас. Так как реки все еще не вошли в берега, мы принуждены были нанять проводника, который

ехал впереди каравана, между тем как мистер Борчель и я замыкали шествие. Мы коротали время философскими рассуждениями, в которых мой новый приятель оказался большим мастером. Но всего больше удивляло меня то, что он спорил со мною и отстаивал свои убеждения с таким упорством, как если бы не он занял у меня денег, а я у него. От времени до времени он сообщал мне также, кому принадлежали различные поместья, которые расположены были по дороге.

— А вот это, — сказал он, указывая на великолепное жилище, стоявшее в отдалении, — дом мистера Торнчиля, молодого человека, располагающего большими средствами, но, впрочем, состоящего в полной зависимости от своего дяди, сэра Уильяма Торнчиля. Что до этого джентльмена, то сам он довольствуется немногим, остальное предоставляет племяннику и живет больше в Лондон.

— Как! — воскликнул я, — неужели мой будущий патрон приходится родным племянником тому самому человеку, который так прославился своими высокими качествами, щедростью и странностями? Я много слышал о сэре Уильяме Торнчилье: это, говорят, человек редкого великодушия, но совершеннейший чудака; притом щедрость его необыкновенна.

— Да, в этом отношении он дошел, кажется,

до излишества, — возразил мистер Борчель, — по крайней мере, в молодости он был через чур староват; страсти были в нем сильны, а так как все они направлены были к добру, то и довели его до романических крайностей. С ранних лет ему хотелось достигнуть высших качеств военного и ученого; он вскоре отличился в полку и между людьми науки также приобрел довольно лестную репутацию. Но лесть — всегдашний удел честолюбивых, ибо они особенно чувствительны к похвалам. И вот его окружила толпа людей, которые были ему известны лишь одной стороной своего характера, так что в погони за всеобщей любовью он совсем упустил из вида личность каждого человека. Он любил весь род человеческий; богатство мешало ему распознавать в людской среде мошенников. В медицине известна такая болезнь, во время которой все тело становится необыкновенно чувствительным, так что от малейшего прикосновения ощущается сильнейшая боль; нечто подобное случилось и с этим джентльменом, но только он не телом страдал, а душою. Малейшее бедствие, все равно действительное или притворное, производило на него глубочайшее впечатление, и душа его болезненно отзывалась на всякую чужую печаль. При таком стремлении помогать ближним, не удивительно, что он всегда был окружен лицами,

взывавшими о помощи. Вскоре щедроты его нанесли значительный ущерб его благосостоянию, ни мало не умерив его мягкосердечия; напротив, оно даже возрастало по мере того, как таяло его богатство. Становясь бедняком, он делался все неосторожнее, и хотя по речам его еще можно было принять за разумного человека, но действовал он совсем как глупец. Между тем просители продолжали теребить его, и когда ему нечем было удовлетворить их, вместо денег он начал раздавать обещания. Больше он ничего не мог дать им, а огорчить кого бы то ни было отказом он не решался. Таким образом, вокруг него скоплялась масса людей, ожидающих подачки, и, при всем желании помочь, он заранее знал, что доставит им одно разочарование. Эти люди продержались около него некоторое время, но наконец, отстали, справедливо осыпав его упреками. Но, по мере того, как другие перестали его уважать, он и в собственных глазах становился презренным. Он привык опираться на лесть окружающих, и когда эта опора исчезла, он уже не находил удовлетворения в сознании собственной правоты, потому что никогда не справлялся с голосом своей совести. С этих пор мир представился ему в совсем ином виде. Мало по малу лесть приятелей обратилась в простое одобрение. Потом и одобрение сменилось дружескими советами, а

когда он этим советам не внимал, то они принимали форму упреков. Из этого он заключил, что дружба, приобретаемая благодеяниями, не стоит уважения; он нашел, что действительно овладеть сердцем своего ближнего можно только с условием отдать ему свое собственное сердце. Я нашел, что... что... Я позабыл, что хотелось сказать. Ну, словом, он решился возвратить себе собственное уважение и составил ним, как восстановить свое состояние. Для этой цели он, со свойственным ему чудачеством, всю Европу обошел пешком. В настоящее время ему не более тридцати лет от роду, и его имение в лучшем состоянии, чем когда либо. Он стал гораздо разумнее и умереннее в раздаче своих щедрот, но продолжает жить чудачком и находит наиболее приятным упражняться в таких добродетелях, которые наименее обыкновенны.

Мое внимание было так поглощено рассказами мистера Борчеля, что я позабыл смотреть вперед на дорогу, как вдруг крики моего семейства заставили меня оглянуться, и что же я увидел! Младшая дочь моя упала с лошади среди быстрого ручья и боролась с разлившимся потоком. Уже два раза она скрывалась под водой, а я никак не мог выпутаться, чтобы вовремя подать ей помощь. Я был так глубоко потрясен этим зрелищем, что даже не был в состоянии что либо предпринять для ее спасения, и она, наверное,

утонула бы, если бы мой товарищ, заметив опасность, не кинулся немедленно в воду и, не без труда вытащив ее из реки, не доставил в сохранности на противоположный берег.

Проехав немного далее, остальное семейство благополучно перебралось в брод по более удобному месту, и тут мы могли присоединить ваши благодарения к выражению ее признательности. Насколько она была благодарна, можно скорее вообразить, нежели выразить словами: так она и делала, глядя на своего спасителя признательными глазами и продолжая опираться на его руку, как бы желая подольше пользоваться его помощью. Жена моя выражала надежду когда-нибудь отблагодарить его за услугу ласковым приемом под нашу гостеприимной кровлей. Отдохнув в ближайшей гостинице, мы пообедали вместе с мистером Борчелем и, так как отсюда путь его лежал в другую сторону, простились с ним и отправились далее. Когда мы с ним расстались, жена моя объявила, что он ей как нельзя более по душе, и будь он по рождению и состоянию под стать нашему семейству, она бы не прочь даже породниться с ним. Я не мог удержаться от улыбки, слыша, как она свысока рассуждает об этом предмете; но и не думал сердиться на такие невинные претензии, зная, что с помощью их нам легче живется.

IV

Нет того скромного положения, в котором нельзя бы найти счастья, ибо оно зависит не столько от обстоятельств, сколько от наших свойств.

Новое место нашего жительства находилось в небольшой общине, состоявшей из фермеров, которые сами обрабатывали землю, и если были незнакомы с роскошью, то не ведали и нищеты.

Так как почти все необходимое для домашнего обихода они производили сами, то им редко приходилось ездить в город за покупками. Изысканным образованием они не отличались, но сохранили первобытную простоту нравов и, будучи умеренны во всем, едва ли даже знали, что трезвость почитается добродетелью. Они усердно и весело работали в будни, но тем охотнее соблюдали праздники, посвящая их досугу и удовольствиям. На Святках они пели песни, на Валентинов день рассылали бантики, известные под именем «любовных узелков», пекли блины на масленице, изощрялись в остроумии на 1-е апреля и благоговейно щелкали орехи накануне Михайлова дня. Предупрежденные о нашем приезде, все прихожане вышли навстречу своему духовному отцу, разряженные по праздничному и, имея во

главе шествия флейту и тамбурин. Ради новоселья приготовили нам и обед, за который мы весело уселись; и хотя беседа была не особенно остроумна, зато много смеялись.

Наш домик расположен был у подножия холма, по склону которого за двором росла красивая роща, а внизу, перед домом, протекала веселая речка. С одной стороны расстилалось поле, с другой — зеленое пастбище. Мой участок состоял из двадцати акров превосходной земли, за которую я уплатил сто фунтов моему предшественнику. Ничто не могло быть опрятнее и аккуратнее моих заборов и оград, а большие вязы и живая изгородь казались мне невыразимо прелестными. Дом был одноэтажный и крыт чесаной соломой, что придавало ему удивительную уютность; внутри стены были оштукатурены и выбелены, и дочери мои предприняли непременно украсить их картинами собственной работы. Одна и та же комната служила нам кухнею, гостиной и столовой, но от этого нам было только теплее. К тому же она содержалась в образцовой чистоте и вид блюд, тарелок и медной посуды, блестящей как золото и в порядке расставленной рядный на полках, был так приятен для глаз, что заставлял позабывать о более роскошном убранстве. Кроме этой комнаты, у нас было еще три: в одной поместились мы с женою, в другой наши дочери, а в третьей на двух кроватях

спали остальные дети.

В этой маленькой республике, которой я был законодателем, время распределялось следующим образом. С восходом солнца все мы собирались в общей комнате, где еще до нашего прихода служанка разводила огонь. Мы здоровались друг с другом, как следует, ибо я всегда считал полезным поддерживать некоторые механические привычки благовоспитанности, без которых семейные отношения становятся слишком вольны и неприятны; затем мы возносили благодарственную молитву Тому, Кто даровал нам еще день жизни. Исполнив этот долг, мы с сыном шли работать в поле и в саду, а жена моя и дочери принимались готовить завтрак, который всегда у нас подавался в определенное время. Полчаса полагалось проводить за завтраком и час за обедом. За столом обыкновенно наши дамы вели невинные, но шуточные разговоры, а мы с сыном предавались беседам философского свойства.

Вставая вместе с солнцем, мы кончали труды наши по закату его и возвращались домой к ожидавшей нас семье. Тут нас встречали улыбающиеся лица, прибранные комнаты и приятный огонь на очаге, не обходилось и без гостей: то, бывало, зайдет фермер Флемборо, ближайший и самый болтливый из наших соседей, то слепой флейтист; и мы угощали их смородиной

наливкой, ни рецепт, ни репутация которой не были утрачены. Эти безобидные гости старались с своей стороны доставить нам удовольствие: один умел играть на флейте, а другой распевал трогательные баллады, как например, «Последнее прости Джона Армстронга», или «Жестокую Барбару Аллен». Вечер заканчивался так же, как начиналось утро, причем младшие сыновья мои должны были поочередно читать молитвы, и тот из них, который читал громче, внятнее и лучше, получал право положить в кружку для бедных полпенни, которое и вручалось ему в воскресенье.

По воскресеньям наступало у нас франтовство, против которого тщетно старался я издавать разумные законы. Сколько я ни произносил проповедей против гордости, но суетность дочерей своих не мог побороть и убеждался, что они втайне все также пристрастны к прежнему щегольству, все также любят кружева, ленточки, бусы и крахмальные оборки; да и жена моя страстно держалась за свое пунцовое пу-де-суа, потому что я когда-то говорил, что оно ей к лицу.

Особенно раздосадовали они меня в первое воскресенье. Накануне вечером я сказал дочерям, чтобы они пораньше одевались утром, потому что любил забираться с семьей в церковь раньше всех прихожан. Они в точности исполнили мое желание, но когда все мы собрались к завтраку перед уходом

в церковь, оказалось, что и жена, и дочери мои явились во всем великолепии своего минувшего величия: волосы их были крепко напомажены и хитро причесаны, лица испещрены мушками, а длинные шлейфы их платьев сзади подобраны в пышные кучи, которые шуршали при каждом движении. Я поневоле улыбнулся, глядя на их тщеславие, смеясь в особенности на жену, от которой в праве был ожидать более благоразумия. Тогда я прибег к невольной уловке и, с важным видом обратясь к сыну, приказал ему сказать, чтобы подавали карету. Дочери очень удивились такому распоряжению, но я настойчиво повторил его с еще большею торжественностью.

— Милый мой, ты, верно, шутишь? — воскликнула моя жена: — разве мы не можем дойти пешком? Нам никаких карет больше не нужно.

— Ошибаешься, дружок, — возразил я; — карета нам необходима, потому что, если мы в таком виде отправимся пешком по деревне, нам даже от ребятишек проходу не будет, нас осмеют.

— В самом деле? — сказала жена моя. — А я-то всегда воображала, что и мой Чарльз любит, когда его дети чистенькие и нарядные.

— Чистенькие — сколько угодно, — сказал я: — чем вы будете опрятнее, тем для меня милее; но ведь это не опрятность, а побрякушки. Все эти сборки, мушки, да фестоны только на то и годятся,

чтобы возбудить к нам ненависть всех соседок нашего прихода. Нет, дети мои, продолжал я еще серьезнее: — нужно переделать ваши платья на более простой фасон: такое щегольство вовсе не пристало людям, которым дай Бог поддержать хоть приличие. Для меня еще далеко не решенный вопрос, насколько такая пышность позволительна даже богачам, тогда как, по самому простому расчету, всех нищих можно бы одеть ценою одних отделок, употребляемых на модные платья.

Речь моя возымела желаемое действие: они тотчас ушли и преспокойно переоделись; а на другой день я имел удовольствие видеть, как обе дочери, по собственному побуждению, отрезали шлейфы своих платьев и скроили из них воскресные жилеты для Дика и Биля, своих младших братьев. К всеобщему удовольствию, впоследствии еще оказалось, что самые платья выиграли от такой перемены фасона.

V

Мы приобретаем новое важное знакомство. — На что мы возлагаем наибольшие надежды, то большею частью и приносит нам наиболее вреда.

Неподалеку от дома предместник мой устроил род беседки, осененной кустами боярышника и жимолости. Если погода благоприятствовала, и мы

кончали работу пораньше, мы обыкновенно собирались в этой беседке и в тиши наступающего вечера любовались обширным видом на окрестности. Тут же мы пили чай, что теперь сделалось для нас не ежедневною трапезой, а исключительным пиршеством, и так как мы не часто позволяли себе это удовольствие, то приготовление чая было у нас сопряжено с немалыми хлопотный и особою церемонией. При этих случаях меньшие дети читали нам вслух, и, когда мы кончали чаепитие, они допивали остальное. Иногда, ради разнообразия удовольствий, дочери пели под аккомпанемент гитары, и, пока происходил этот маленький концерт, мы с женою нередко гуляли вдвоем по склонам холма, испещренного голубыми колокольчиками и васильками, с восторгом говорили о своих детях и наслаждались освежительным ветерком, который приносил нам на своих крылах и музыку, и здоровье.

Таким образом, мы начинали убеждаться, что во всяком положении бывают свои особые радости; каждое утро пробуждало нас к новым трудам, но зато каждый вечер вознаграждал нас новыми удовольствиями.

В самом начале осени, в один из праздничных дней (я тоже стал соблюдать праздники, в виде отдыха от работ), я, по обыкновению, собрал всю

семью в помянутую беседку, и мои юные музыкантши начали свой обычный концерт. Пока мы их слушали, внезапно, шагах, в двадцати от нас, мы увидели скачущего оленя, судя по тяжелому его дыханию, очевидно преследуемого охотниками. Не успели мы обменяться замечаниями насчет бедного зверя, как из лесу показались собаки и всадники, скакавшие за ними во всю прыть по следам оленя. Я хотел поскорее уйти домой со всем семейством, но любопытство, или изумление, или какое иное тайное побуждение приковало к месту мою жену и дочерей. Передний всадник быстро промчался мимо нас, за ним последовало еще четверо или пятеро, наконец, появился еще один молодой человек, более изящной наружности: этот посмотрел на нас и вместо того, чтобы устремиться вслед за охотой, соскочил с коня, передал его своему слуге и, с видом небрежного превосходства, подошел к нам; не дожидаясь приглашения и, по-видимому, заранее уверенный в ласковом приеме, он обратился с приветствием к моим дочерям, намереваясь поцеловать их; по счастью, они рано научились держать себя с таким достоинством, которое могло смутить хоть кого. Тогда незнакомый джентльмен отрекомендовался нам, сказав, что фамилия его Торнчиль и что он хозяин окружавшего нас поместья. Вслед затем он снова обратился к дамам с просьбой дозволить

поцеловать их и — таково магическое влияние богатства и изящного платья! — во второй раз он не получил отказа. Так как, при всей развязности, он вел себя довольно просто, мы вскоре освоились с ним. Заметив лежавшие на скамье музыкальные инструменты, он стал просить, чтобы ему что-нибудь спели. Не одобряя в душе столь не подходящего к нашему положению знакомства, я делал знаки дочерям, чтобы они не вздумали исполнять его желания; но мать с другой стороны также знаками поощряла их к этому, потому они с веселым видом пропели нам один из любимых романсов Драйдена. Мистер Торнчиль пришел в восторг и от выбора пьесы, и от исполнения, и сам взялся за гитару. По правде сказать, играл он довольно плохо, но моя старшая дочь с лихвою отплатила ему за полученные от его похвалы, уверяя, что у него тон будто бы полнее и лучше, чем даже у ее учителя. На это он отвесил ей низкий поклон, она отвечала ему глубоким реверансом; он превозносил ее вкус, она не могла надивиться его разумению, словом, они сразу были как будто целый век знакомы. Счастливая мамаша совсем расцвела от удовольствия и настойчиво стала упрашивать помещика войти под нашу кровлю и выпить стаканчик ее смородиновки. Все семейство принялось за ним ухаживать: обе девочки занимали его беседой о самых последних новостях, а Моисей,

напротив того, озадачил его вопросами из древнего мира, за что все подняли его на смех. Даже малютки мои ластились к гостю, и что я ни делал, они не хотели от него отойти: своими грязными пальчиками они то и дело теребили и пачкали кружева на его платье и, приподымая клапаны его карманов, непременно хотели посмотреть, что у него там положено. С наступлением вечера он наконец распрощался с нами, но наперед испросил позволения возобновить свой визит, на что мы охотою согласились, тем более, что он был нашим же хозяином.

Когда он ушел, жена моя потребовала, что мы высказали свои воззрения насчет событий этого дня. По ее мнению, обстоятельства слагались необыкновенно счастливо; ей известны были случаи, когда и более трудные предприятия увенчивались блестящим успехом; она надеялась теперь дожить до такого дня, когда и мы не хуже других будем водиться со знатью, и отказывалась понять, с какой стати обе девицы Ринклер могли выйти замуж за богачей, а наши дочери не могут. Так как с последним доводом она обратилась прямо ко мне, то я сказал, что и я не могу понять, с какой стати миссис Симкинс выиграла в лотерею десять тысяч фунтов, а нам ничего не досталось?

— Ах, Чарльз! — воскликнула жена, — вот так ты всегда обдаешь нас холодной водой, как

только мы с девочками размечтаемся! Ну... скажи мне, София, душа моя, что ты думаешь о нашем новом госте? Не правда ли, что он ужасно добродушен?

— О да, мамаша, в высшей степени! — отвечала она: — он обо всем решительно может разговаривать и никогда не затрудняется; напротив, чем пустяшнее предмет, тем лучше он его обсуждает. И притом он такой красивый.

— Да, — вмешалась Оливия, — для мужчины он довольно красив; но не могу сказать, чтобы он мне понравился, слишком навязчив и бесцеремонен. И на гитаре играет отвратительно.

Из этого я заключил как раз противоположное, то есть, что София втайне чувствует к нему презрение, а Оливия, напротив, от него в восторге.

— Каково бы ни было ваше мнение, милые мои, — сказал я, — признаюсь, что меня он к себе не расположил. Неравенство между знакомыми всегда мешает искренней приязни, и я заметил, что, невзирая на всю свою развязность, он ни мало не теряет из вида своего над нами превосходства. Будем лучше держаться своей собственной среды. Что может быть презреннее человека, гонящегося за чужим богатством? И если в этом повинна женщина, я нахожу, что и она столь же достойна презрения. И так, мы явемся презренными людьми

даже в том случае, если его намерения окажутся честными. Но если они нечестны, тогда что?.. Подумать страшно. Правда, я знаю, что могу положиться на поведение моих собственных детей; но на него отнюдь не могу полагаться...

Я бы еще продлил свою проповедь, но в эту минуту вошел слуга сквайра Торнчиля и принес от имени своего хозяина окорок великолепной длины: сквайр приказал кланяться и сказать, что на днях он приедет к нам обедать. Такой подарок говорил в его пользу несравненно красноречивее, чем все, что я мог бы сказать против него. Поэтому я замолчал, довольный тем, что все-таки указал им на грозящую опасность, и находил, что лучше предоставить им самим избегать ее. Добродетель, которая требует непрестанной охраны, не стоит того, чтобы прилагать о ней особенные заботы.

VI

Счастье у домашнего очага.

Так как в приведенном споре все мы порядком погорячились, то решено было, ради общего удовольствия, отделить часть присланной дичины и приготовить ее к ужину. Обе девочки тотчас с величайшею готовностью принялись за дело.

— Как жаль, — воскликнул я, — что у нас сегодня нет ни гостей, ни соседей, чтобы принять

участие в нашем пире: такое изысканное кушанье получает еще большую цену, когда можно разделить его с ближним.

— Ах, Боже мой, — сказала жена, — да вот идет ваш добрый приятель, мистер Борчель, тот самый который тогда спас нашу Софью, а тебя совсем загонял своими аргументами.

— Меня-то загонять аргументами? — воскликнул я: — ты жестоко ошибаешься, друг мой. В чем другом, а уж в этом едва ли кто-нибудь может сбить меня с толку. Я ведь не оспариваю твое умение печь пирог с гусем; так ты предоставь мне искусство владеть аргументами.

Пока я говорил, бедный мистер Борчель вошел в дом, и вся семья приветствовала его пожатиям руки, а малютка Дик поспешил притащить ему стул.

Дружба этого бедняка радовала меня по двум причинам: во-первых, потому что я видел, как он нуждался в моей приязни, а во-вторых, было очевидно, что сам он расположился к нам от всего сердца. В нашем околотке он был известен под именем бедного джентльмена, который смолоду ничего путного не делал, хотя и теперь ему еще не минуло тридцати лет. По временам ему случалось вести такие речи, которые отличались великим здравомыслием; но вообще он предпочитал общество детей, которых называл безобидными

маленькими людьми. Оказалось, что он приобрел между ними репутацию знаменитого сказочника и распевателя баллад, и редко выходил из дому, не набив себе карманов какими-нибудь гостинцами, вроде имбирных пряников или копеечных свистулук. Обыкновенно он приходил в нашу сторону раз в год и гостил поочередно у всех соседей. Он сел ужинать с нами и жена моя усердно угощала его своею смородиновкой. За столом пошли разговоры, потом он спел нам несколько старинных песен, а детям рассказал сказку про Веверлендского оленя, и повесть о терпеливой Гризельде, и похождения кошачьей шкурки, и предание о прекрасной Розамунде. Наш домашний петух, который всегда подавал голос ровно в одиннадцать часов, напомнил нам, наконец, что пора ложиться спать; и тут возникло непредвиденное затруднение: куда нам девать гостя? Ни одной свободной постели в доме не было, а час был такой поздний, что в ближайшую харчевню его бы уже не пустили. Малютка Дик разрешил этот вопрос, сказав, что охотно уступит ему свою часть постели, если брат Моисей захочет взять его на свою кровать.

— А я, — воскликнул крошка Виль, — уступлю мистеру Борчелю и свое место на кровати, коли сестры возьмут меня к себе.

— И отлично, мои хорошие детки! —

воскликнул я, — гостеприимство одна из важнейших христианских добродетелей. Звери забираются в свои логовища и птицы улетают в гнезда, один лишь бесприютный человек должен искать пристанища у себе подобных. Величайшим странником в нашем мире был Тот, Который пришел спасти его. У Него никогда не было своего дома, как бы для того, чтобы испытать, много ли осталось на свете гостеприимства. Дебора, друг мой, — продолжал я, обращаясь к жене, — дай-ка нашим мальчикам по куску сахара, да смотри, чтобы Дику достался кусок побольше за то, что он первый выступил со своим предложением.

На другой день рано утром я позвал всю семью в поле помочь мне убрать скошенное сено; и так как гость предложил свои услуги, мы и его взяли с собою. Работа пошла ходко; мы ворошили траву на ветру, я шел с граблями впереди, а за мною все остальные вереницей. Однако же, я не мог не заметить той предупредительности, с которою мистер Борчель постоянно помогал моей дочери Софии исполнять ее долю труда. Как только он кончал свой ряд, он тотчас же шел к ней и, проходя ее полосу вместе с нею, затевал какой-нибудь интересный разговор. Но я знал, что моя София девушка рассудительная и, будучи уверен в том, что она довольно честолобива, не опасался с ее стороны увлечения человеком, который заведомо

разорился.

По окончании дневных работ, мы пригласили мистера Борчеля провести еще одну ночь под нашей кровлей, по-вчерашнему. Но он отказался, говоря, что намерен переночевать у одного из соседей, сыну, которого он обещал принести свистульку.

По уходе его, за ужином мы разговорились о нашем несчастном госте.

— Вот разительный пример того, до чего доводят человека юношеские излишества и расточительность, — сказал я: — он далеко не глуп и это только усиливает его виновность. Несчастное пропащее создание, куда девались веселые товарищи его кутежей, где льстецы, когда-то смотревшие ему в глаза и стремившиеся исполнять его малейшие желания? Они покинули его, и, может быть, также ревностно прислуживают теперь мошеннику, нажившемуся на счет его же кармана. Прежде они его восхваляли, а теперь превозносят его грабителя; когда-то восхищались его остроумием, а ныне насмеваются над его безрассудством. Он беден, но может быть так ему и надо; потому что у него нет, по-видимому, ни стремления к независимости, ни способности приносить пользу.

Движимый каким-то тайным инстинктом, я произнес эти замечания с излишнею, быть может,

горечью и София кротко упрекнула меня за это.

— Каково бы ни было его прежнее поведение, папа, — сказала она, — он теперь в таком положении, что уж грех на него нападать. Одна его бедность служит достаточным наказанием за все прежние безрассудства; да и мой папа сам не раз говорил нам, что нехорошо задевать, хотя бы одним лишним толчком, человека, которого и так уже Бог покарал.

— Ты права, Софи, — воскликнул сын мой Моисей, — и один из древних писателей очень искусно изобразил подобную жестокость, описав, как грубый поселянин хотел избить Марсия, у которого и без того вся кожа была содрана, как сказано в басне. К тому же, я не знаю, точно ли этот бедняк в таком ужасном положении, как описал отец? Никто не может судить о других только по себе. По-нашему, например, у крота в норе тьма кромешная, а ему, кажется, там довольно светло. И если судить по правде, ведь мистер Борчель и не думает тужить о своей участи, он, кажется, вполне доволен судьбой. Иначе, как мог бы он быть так весел и оживлен, как, например, сегодня на сенокосе, когда он разговаривал с тобой?

Это было сказано без всякого умысла, однако заставило Софию покраснеть, хотя она и постаралась скрыть свое смущение, возразив брату с натянутым смехом, что даже не помнит, о чем он

с ней разговаривал, но что ей уже приходило в голову, что в прежнее время он был, вероятно, очень любезным джентльменом. Ее вспыхнувшее лицо и поспешность, с которою она начала оправдываться, возбудили во мне некоторые подозрения; но я предпочел оставить их без внимания.

Так как молодой помещик дал нам знать, что завтра будет у нас обедать, жена моя пошла ставить тесто для пирога. Моисей углубился в чтение, я принялся давать урок малюткам, а мои дочери чем-то тоже занялись довольно пристально. Стоя у очага, они долго варили в кастрюле какое-то снадобье. Сначала я думал, что они помогают матери стряпать, но малютка Дик сообщил мне шепотом, что это они варят притиранье для лица. Я терпеть не могу всяких притираний, будучи убежден, что они не исправляют цвета лица, а только портят кожу. Поэтому я, постепенно придвигая свой стул к печке, и делая вид, что хочу поправить дрова, взял щипцы и, как будто нечаянно, опрокинул кастрюлю. Начинать варево сызнава было уже слишком поздно.

VII

Описание столичного шутника. —
Скучнейшие люди могут быть забавны на один или

два вечера.

Когда настал день, назначенный для приема нашего молодого помещика, можно себе представить, что мы ничего не пожалели, лишь бы угостить его получше. Нечего и говорить, что ради такого случая жена моя и дочери особенно постарались о своих нарядах. Мистер Торнчиль явился в сопровождении двух приятелей, из коих один был его домашним капелланом, а другой просто прихлебателем. Кроме того, при них было множество прислуги, которой хозяин приказал, было из деликатности отправляться в ближайшую харчевню; но жена моя, в порыве восхищения позабывшая об экономии, непременно захотела угостить и их. Мимоходом сказать, из-за этого вся наша семья потом недели три питалась впроголодь. Мистер Борчель как-то упомянул накануне, что мистер Торнчиль намерен свататься к мисс Уильмот, бывшей невесте сына моего Джорджа, и это известие до некоторой степени умерило вначале горячность нашего приема; но случай устранил и эту маленькую неловкость. Кто-то упомянул за столом ее имя и мистер Торнчиль тотчас подхватил, что не может понять, как можно такого уroda величать красавицей, прибавив:

— Пусть меня самого изуродуют, если я когда-нибудь стану восхищаться ею; лучше уж выбрать свою любезную из числа тех красоток,

что гуляют по вечерам мимо башни Святого Дунстана.

И, сказав это, он расхохотался; засмеялись и мы. Шутки богатого человека разве могут быть неудачны? Оливия даже не преминула прошептать — однако так громко, чтобы все слышали, — что остроумие его неистошимо.

В конце обеда я предложил свой обычный тост — за церковь. Капеллан поблагодарил, сказав, что церковь — единственная повелительница его сердца.

— А признайся откровенно, Фрэнк, — подхватил сквайр с обычной своей тонкостью, — если с одной стороны поставить твою любезную церковь в батистовых нарукавниках, а с другой, например, мисс Софию совсем без рукавов, которую ты выберешь?

— Конечно, обеих! — воскликнул капеллан.

— Правильно! — подтвердил сквайр: — подавись я этим стаканом, коли хорошенькая девочка не лучше всех поповских выдумок. Что такое ваши десятинные поборы и прочие штуки? Ведь это все дрянь, сплошное надувательство, и я берусь это доказать.

— Попробуйте! — воскликнул сын мой Моисей: — мне кажется, что я могу вас опровергнуть.

— Очень хорошо, сэр, — отвечал сквайр,

тотчас поняв, с кем имеет дело, и подмигнул нам, чтобы мы послушали, какая пойдет потеха, — если вы желаете хладнокровно обсудить этот предмет, я готов принять ваш вызов. Прежде всего, с какой точки зрения вы намерены его рассматривать, с диалогической или аналогической?

— Да просто с рациональной точки зрения, — отвечал Моисей, очень довольный, что может поспорить.

— Отлично, — подхватил сквайр: — значит, начнем сначала. Надеюсь, вы не станете утверждать, что то, что есть — не существует? Если вы этого не признаете, то я отказываюсь продолжать.

— Отчего ж? — возразил Моисей: — это я могу допустить, и даже впоследствии воспользуюсь этим положением.

— Надеюсь также, — продолжал сквайр, — что, по-вашему, часть не больше целого?

— Согласен и с этим, — отвечал Моисей, — что правда, то правда.

— Надеюсь, вы не будете отрицать, что сумма углов треугольника равняется двум прямым?

— Само собою, разумеется, — молвил Моисей, озираясь с важным видом.

— Ну хорошо, — воскликнул сквайр и продолжал скороговоркой: — установив таким образом первую посылку, я утверждаю, что

взаимодействие самостоятельных существований обратно пропорционально квадрату расстояния, что необходимо приводит нас к проблематическому заключению, что сущность духа сводится к качеству второй посылки.

— Пойдите, погодите! — закричал Моисей: — этого я не признаю; и неужели вы думаете, что я соглашусь обсуждать зараз столько разнородных предложений!

— Как, вы не согласны? — возразил сквайр, притворяясь, что выходит из себя: — так отвечайте же мне на один простой вопрос: прав ли Аристотель, говоря, что все относительное находится между собою в соотношении?

— Без всякого сомнения! — решил Моисей.

— В таком случае отвечайте без обиняков на следующее предложение: считаете ли вы аналитическое рассмотрение первой части моей антитезы погрешающим *secundum quoad* или *quoadnimus*, и объясните, почему; но только сейчас же скажите, без обиняков.

— Да я никак не могу взять в толк, о чем вы говорите, — возразил Моисей, — вот если бы вы задавали сразу по одному вопросу, мне думается, что я мог бы вам ответить.

— О, слуга покорный! — воскликнул сквайр: — вы хотите, я вижу, чтобы я вам все разжевал, да и в рот положил. Нет, сэръ, на таких основаниях я с

вами рассуждать не могу.

Эта выходка заставила всех поднять Моисее на смех, и бедный юноша, не проронив больше ни словечка, высидел весь обед с вытянутым лицом, тогда как вокруг него все были очень веселы.

Такие шутки были мне вовсе не по вкусу, но Оливия была, очевидно, иного о них мнения и принимала за чистейшее остроумие то, что было, в сущности, доказательством хорошей памяти. Она считала сквайра замечательным джентльменом и, принимая во внимание, как много значат в таких случаях красивая наружность, щегольская одежда и богатство, с ее стороны это было довольно извинительно. При всем своем действительном невежестве, мистер Торнчиль говорил хорошо и обо всех обыкновенных предметах мог разглагольствовать вполне развязно. Что же мудреного, что при таких данных он мог понравиться девушке, с детства приученной придавать громадное значение своей собственной внешности, а, следовательно, высоко ценившей внешние качества и в других.

Когда гости уехали, мы опять принялись превозносить молодого помещика. Так как его взгляды и разговоры обращались главным образом к Оливии, становилось несомненным, что он познакомился с нами только ради нее. Это вызвало бесконечные шутки и поддразнивание со стороны

брата и сестры, но Оливия поддавалась этому не без удовольствия. А моя Дэбора так была счастлива и довольна успехами дочери, как будто самолично одержала победу.

— Теперь, мой дорогой, я признаюсь тебе, — сказала она мне, — что я сама подучила девочек, как надо поощрять ухаживание нашего сквайра. Я всегда была немножко честолюбива, и теперь ты видишь, что это было не напрасно: кто знает, чем все это может кончиться?

— Вот именно, кто знает! — отвечал я с сокрушением: — признаюсь, все это мне очень не по сердцу. По мне, было бы гораздо лучше, если бы дело шло о человеке бедном, но честном, чем водиться с таким джентльменом, который и богат, и важен, но в душе безбожник. Если он таков, каким мне представляется, то да будет вам наперед известно, что я ни за что не соглашусь выдать свою дочь за вольнодумца.

— Ох, батюшка, не будьте к нему слишком строги! — воскликнул Моисей: — Бог ведь судит людей по делам их, а не по тому, что бродит у них в голове. Мало ли какие грешные фантазии находят на человека; иной раз и не отвяжешься от них. Может быть, этому джентльмену, поневоле, приходят вольные мысли насчет религии? Положим, что он о ней думает совершенно неправильно, но если это произвольно, чем же он

виноват? Это все равно, что поручить коменданту защиту города, не обнесенного стеной; разве его вина, коли неприятель войдет в город и расположится в нем?

— Правда, сын мой, — отвечал я: — но если комендант сам приглашает неприятеля занять город, то вся вина падает на него. А это именно и случается с теми людьми, которые охотно поддаются заблуждению. Грех не в том, чтобы соглашаться с очевидностью, а в том, чтобы нарочно закрывать глаза перед многими обстоятельствами, доказывающими противное. Хотя бы вначале ошибочное мнение составлялось в нас и поневоле, но если мы пребываем в нем по собственному побуждению или допускаем его овладеть нами без зрелого размышления, то это с нашей стороны доказывает или порочность, за которую мы заслуживаем наказания, или же неразумие, за которое справедливо будут презирать нас.

Тут в разговор вмешалась моя жена и, оставив в стороне мои доводы, стала доказывать, что в кругу наших знакомых немало есть толковых людей, заведомых вольнодумцев, из которых, однако же, выходили превосходные мужья; а с другой стороны бывают и такие умные девушки, которые способны обратить своих мужей на путь истинный.

— Почему знать, друг мой, — прибавила она, — на что способна наша Оливия? Эта девочка о всяком предмете умеет поговорить в три короба; и, насколько я понимаю, она очень начитана по части философских диспутов.

— Что ты, моя милая, да какие же диспуты она читала? Я, кажется, таких книг ей даже в руки не давал. Ты, наверное, что-нибудь спутала.

— Нет, папа, ничего не спутала, — вступилась Оливия, — и это правда, что я прочиталась довольно всяких диспутов. Вот, например, я прочла спор Твакума со Сквэром (Твакум и Сквэр — действующие лица в романе Фильдинга «Том Джонс»); рассуждения Робинзона Крузе с дикарем Пятницей; и даже теперь читаю статью о препирательствах перед Судилищем Любви.

— И прекрасно, — сказал я, — сейчас видно, что ты умница и как нельзя лучше подготовилась к миссионерской деятельности. Поди же, помоги матери готовить пирог с крыжовником.

VIII

Любовь, не обещающая никакого блеска, может, однако же, дать много хорошего.

На следующий день мистер Борчель опять зашел к нам. Его учащенные посещения по некоторым соображениям начинали тревожить

меня, однако не мог же я отказать ему от дому ни с того, ни с сего. Впрочем, его визиты были нам не в убыток, потому что он так усердно помогал нам во всех полевых работах, что положительно заслуживал наш хлеб-соль. К тому же, своими забавными прибаутками он так развеселял всю компанию, что с ним нам легче было работать, и был вообще так деликатен, умен и неприхотлив, что я поневоле, то смеялся над ним, то жалел его, но постепенно привязывался к нему всем сердцем. Единственное, что мне в нем не нравилось, было явное предпочтение, какое он оказывал моей дочери: он в шутку уже называл ее своей маленькой возлюбленной, и когда приносил нашим девочкам в подарок ленты, Софье всегда доставались самые красивые. Не знаю, как это случилось, но мы стали замечать, что с каждым разом он становился все любезнее, остроумие его теряло свою сухость, а простота манер принимала характер высшей житейской мудрости.

Мы обедали в поле и уселись или, вернее, полулежа расположились вокруг скромной трапезы; скатерть была разостлана на копне сена и мистер Борчель оживлял всех своею веселостью. К довершению нашего удовольствия, два черных дрозда звонко перекликались с одной изгороди на другую, а прирученный снегирь прилетал клевать крошки из наших рук; словом, мы были настроены

самым мирным образом.

— В такую пору, — сказала София, — мне всегда приходит на память то прелестное стихотворение Гэя, где он описывает двух счастливых любовников, умирающих в объятиях друг друга. В этих стихах так много чувства, что я сто раз перечитывала их, всегда с новым восторгом.

— А, по-моему, — подхватил Моисей, — даже лучшие места этой баллады никуда не годятся в сравнении с «Галатеей» Овидия. Вот римские поэты действительно знали толк в контрастах и умели пользоваться ими для достижения сильнейших эффектов, а в этом ведь весь секрет трогательной поэзии.

— Замечательно, — сказал мистер Борчель, — что оба поэта, упомянутые вами, были причиною, что в их отечествах привился вкус к фальшивой напыщенности: у них каждая строка загромождена эпитетами. Зато наименее даровитые писатели скоро догадались, что очень легко подражать им именно этим способом, и нынешняя английская литература, так же как латинская во времена упадка, представляет ряд роскошных картин без всякого смысла и содержания: это просто набор слов, красивых и звучных, но ничего не говорящих воображению. Но вы находите, может быть, что, подвергая других столь строгой критике, я обязан дать им случай отплатить мне тою же монетой?

Согласен и признаю, что только затем и высказал эти замечания, чтобы иметь повод прочесть вам одну балладу, которая, может быть, тоже плоха, но, во всяком случае, свободна от указанных мною недостатков.

БАЛЛАДА

«Веди меня, пустыни
житель,
Святой анахорет;
Близка желанная
обитель:
Приветный вижу
свет.
Устал я; тьма кругом
густая;
Запал в глуши мой
след;
Все бесконечней
степь пустая,
Чем дальше я
вперед».
— Мой сын (в ответ
пустыни житель),
Ты призраком
прельщен:
Опасен твой
путеводитель —

Над бездной светит
он.

Здесь чадам нищеты
бездомным

Отверта дверь моя,
И скудных благ
уделом скромным

Делюсь от сердца я.
Войди в

гостеприимную келью:

Вот, сын мой, пред
тобой

И брашно с жесткою
постелью,

И сладкий мой
покой.

Есть стадо: но
безгрешных кровью

Руки я не багрил:
Меня Творец своей
любовью

Щадить их научил.
Обед собираю

непорочный

С пригорков и с
полей;

Деревья плод дают
мне сочный,

Питье дает ручей.
Войди же в дом;
забот мы чужды,
Нет блага в суете:
Нам малые даны
здесь нужды;
На малый миг и те.
Как свежая роса
денницы
 Был сладок сей
привет;
 И робкий гость,
склоня зеницы,
 Идет за старцем
вслед.
 В дичи глухой,
непроходимой
 Его таился кров —
 Приют для сироты
гонимой,
 Для странника —
покров.
 Не пышны в хижине
уборы,
 Там бедность и
покой;
 И скрипнули дверей
растворы

Пред мирною четой.
И старец зрит
гостеприимный,
Что гость его уныл;
И светлый огонек он
в дымной
Печурке разложил.
Плоды и зелень
предлагает,
С приправой добрых
слов;
Беседой скуку
позлащает
Медлительных
часов.
Играет резвый кот
пред ними,
В углу кричит
сверчок,
Трещит меж
листьями сухими
Веселый огонек;
Но молчалив
пришлец угрюмый,
Печаль в его чертах,
Душа полна
прискорбной думой
И слезы на глазах.

Ему пустынный
отвечает
Сочувственной
тоской:
— О, юный
странник, что смущает
Так рано твой покой?
Иль быть убогим и
бездомным
Творец тебе судил?
Иль предан другом
вероломным?
Или вотще любил?
Увы! как жалки и
презренны
Утехи благ земных!
А тот, кто плачет, их
лишенный,
Еще презренней их.
Приманчив лести
взор лукавый:
Но ведь она вослед
Бежит за счастьем, за
славой,
И прочь от наших
бед.
Любовь — давно
слывет игрою,